

большей частью сознательно, в особенности в эпохи обострения классовой борьбы в той или иной стране, меньшей — неосознанно писатели своим творчеством стремятся укрепить или, напротив, подорвать существующий в соответствующий момент социально-политический порядок, — а в результате получают литературные направления. Можно даже с определенностью утверждать, что некоторые литературные направления, — например, классицизм и социалистический реализм, имеют явно выраженную социально-политическую целенаправленность.

Между тем в наших определениях литературных направлений либо совершенно выпадает момент их социально-политической целенаправленности, их исторической функции, либо он истолковывается внешне, даже поверхностно. Например, в большей части определений классицизма в качестве характерной черты на первый план выдвигается «признание античных литератур образцом для подражания и следование строгим правилам» и лишь затем как второстепенная деталь отмечается «прославление абсолютизма». На самом же деле то, что мы называем классицизмом, во Франции, Германии (вернее — в немецких государствах), России занималось не «прославлением абсолютизма», а укреплением, упрочением того социально-политического порядка, внешним выражением которого был абсолютизм.

Б. Г. Рензов говорил, как мы видели, что «в истории мы встречаемся не с романтизмом, а с романтизмами».⁴⁷ Выше мы показали, что в современном советском литературоведении мы имеем аналогичное положение и с классицизмом, точнее — с классицизмами. Можно ли попытаться извлечь из разных романтизмов и классицизмов какие-то самые общие, самые характерные признаки и на их основе создать единое, «высшее» определение романтизма и классицизма? Теоретически, конечно, это осуществимо. Ведь даже в геометрии мы имеем определение «треугольника вообще», тогда как в природе есть треугольники прямоугольные, равноугольные, тупоугольные, либо равносторонние, равнобедренные, разносторонние. Однако понятие «треугольник вообще» — только понятие, и ничего больше. Но литературоведение — не геометрия, и литературоведческие «треугольники вообще», будь это общее понятие о романтизме или классицизме, нам не помогут разобраться в сложностях и трудностях понимания и определения «русского классицизма XVIII века».

Предисловие ко второму изданию «Героя нашего времени» Лермонтов закончил, как известно, словами: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает».

«Болезнь» литературоведения — его терминологическая путаница, нечеткость, смешение терминов, взятых из разных областей культуры («манера» и «школа» — из живописи; «метод» — из фи-

⁴⁷ Б Рензов О литературных направлениях, стр 94